

X Российско-Финляндский культурный форум, Сыктывкар, 22.10.2009.

Семинар «О знаменательных событиях и о значении 1809 года», посвященного 200-летию со дня окончания Русско-Шведской войны 1808 – 1809 гг. и заключению Фридрихсгамского мирного договора.

Материал к докладу на тему

«Коми, Карелия, Финляндия: три пути развития. 1917-1940 гг.»

(Авторы доктор исторических наук, профессор А.А.Попов, кандидат исторических наук, доцент А.Ф.Сметанин. Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, г.Сыктывкар)

Указанная тема доклада, по сути, является редакцией темы международного научно-исследовательского проекта, выполняемого в первой половине 1990-х годов в Университете Йёнсуу (Финляндия), - «Национальная государственность у финно-угорских народов Северо-Западной России. Карелия и Коми в сравнении с Финляндией (1917-1940 годы)». В проекте было занято двенадцать исследователей: пять из Финляндии, четыре из Сыктывкара и три из Петрозаводска. Координаторами проекта являлись: от финской стороны Антти Лайне, от Карелии Илья Соломещ, от Коми Александр Попов. В рамках проекта было проведено предисследование и три тематических семинара в Йёнсуу, Петрозаводске и Сыктывкаре, издано два сборника (в Йёнсуу и в Сыктывкаре), а также целый ряд совместных публикаций.

В исследовательском проекте указанная постановка научной проблемы вполне правомерна, если принять во внимание следующее обстоятельство. Во-первых, начало XX века для финно-угорских народов – это качественно новый рубеж в их истории, а именно: ни один из них к этому времени не имел своей государственности. Распад Австро-Венгерской империи привел к тому, что венгерский народ спустя сотни лет воссоздал свою государственность. Распад Российской империи в 1917 г. имел своим результатом то, что финский и эстонский народы впервые в своей истории приобрели право на полную независимость и собственную государственность, а целый ряд финно-угорских народов в составе Советской России, также впервые получил право на национально-территориальную автономию. Во-вторых, для финно-угорских народов Северной Европы (финнов, карел, коми) общим были не только выше названные исторические перемены (все они до 1917 г. находились в составе Российского государства), но и сходные в целом географические, природные, климатические условия. Несмотря на различия в их

предыдущей истории, а также различия в идеологических и политических системах в новых условиях, - открывшиеся перспективы развития самоопределения казалось должны были бы пробудить взаимный интерес у этих родственных северных народов, как, впрочем, и в целом у финно-угорской общности.

Именно так складывались взаимоотношения между имеющими общую границу Финляндией и Советской Карелией, при всей их сложности и противоречивости и жесткой обусловленности идеологическими рамками. Что касается идеи финно-угорского единения применительно к Коми автономии, то она имела все возрастающее значение в течение 20-х годов, то есть на начальном и наиболее плодотворном этапе реализации права коми народа на самоопределение. Первые 10-15 лет советской истории содержат немало подтверждений из практики взаимодействия российских финно-угорских народов, прежде всего, в области культуры и науки, и в какой-то степени в вопросах национально-государственного устройства. В этих условиях определенную роль позитивного примера для российских финно-угорских народов могла играть модель быстро прогрессирующей финской государственности. Так, достаточно быстро были восстановлены прерванные революцией научные связи Финляндии и восточно-финских народов. При этом направленность их изменилась. До революции они имели скорее характер экспедиционных исследований западными финнами своих исторических корней среди восточных собратьев в царской России. И, напротив, в первое десятилетие советской истории в условиях бурного национального возрождения российских финно-угров со стороны последних появился собственный целенаправленный интерес к своим западным сородичам, в том числе и к финской модели национального развития.

В структуре проекта и его общей темы особое внимание уделялось сравнительному анализу экономических моделей карельского и коми регионов (особенно в период НЭПа), их статусу в иерархической структуре этнофедерации советского типа, моделям национально-языковой политики, культуре. При этом учитывался общий контекст межгосударственных советско-финляндских отношений в 1920-1930-годы. В методологическом плане проект опирался на «теории развития». В частности, теория «финской модели» развития была разработана немецким социологом и политологом Дитером Сенгхаасом. Он оценивает опыт развития Финляндии в XIX-XX вв. как самый яркий пример реализации в наиболее невыгодных условиях так называемого «скандинавского пути развития».

Теория Сенгхааса основана на концепции политической экономии Фридриха Листа (1789-1846 гг.), достоинством которой является именно национально-государственный взгляд на общую политэкономия, а также анализ взаимозависимости экономически

развитых и слаборазвитых государственных формирований. Кроме концепции Листа, Сентхаас использует так называемую «теорию зависимости» (dependencia).

В настоящем докладе за столь короткое время невозможно осветить все аспекты автономного для Коми и Карелии и суверенного для Финляндии развития после 1917 года. Тем не менее, очевидно, что в разной степени, но «финляндский фактор» оказывал свое воздействие на процессы национального строительства у родственных финно-угорских народов в Коми и в Карелии. В условиях НЭПа в 1920-е годы успешным оказался эксперимент с широкой экономической автономией в Карельской Трудовой Коммуне (затем Карельской АССР) – так называемая модель «Ленина – Гюллинга». Свое влияние оказала непосредственная близость Финляндии, но главным образом то, что Карельская автономия с ее относительно широкими правами рассматривалась Советским руководством как «плацдарм» для «мировой социалистической революции», как своеобразная «витрина социализма». Опираясь на лесное хозяйство, Карелия имела в своем распоряжении 25% доходов от экспорта и имела право напрямую вести торговлю с заграницей. Самой большой проблемой здесь была нехватка рабочей силы. С целью ее преодоления в Карелию прибыли тысячи финских переселенцев из Канады и США (а это – квалифицированные кадры рабочих и специалистов), эмигрировавших туда в свое время из Финляндии.

Модель «Карельского пути развития» разработали и реализовали левые эмигранты из Финляндии во главе с крупным специалистом по вопросам расселения и аграрной экономики доктором Эдвардом Гюллингом. После поражения в гражданской войне в Финляндии в 1918 году «красные финны» эмигрировали в Карелию, где они составляли политическую элиту вплоть до середины 30-х годов. В Советской Карелии в период НЭПа удалось смоделировать финско-скандинавский тип развития (по Дитеру Сентхаасу) и достичь даже более высокого, чем в соседней Финляндии экономического роста.* (Примерно в этом же направлении разрабатывались на уровне проектирования планы развития экономики в Коми АО). Сталинский «Великий перелом» 1929 года радикально изменил модели развития не только отдельных регионов, но и в целом советской экономики и политической системы всей страны.

Как видим, финское («красное») влияние в Карелии было значительным. Тем более, с учетом тотальной финнизации национально-языковой и культурной сферы.

Учитывая ограниченность данного доклада, несколько подробнее рассмотрим роль «финляндского фактора» в процессе национального строительства в Коми в разное время и по разным поводам. Например, в языковом строительстве и, в частности, в дискуссиях о выборе алфавита коми письменности в середине 20-х годов идея финно-угорского

единения явно находилась в русле политической концепции большевизма о «скорой мировой революции». Инициатор латинизации коми письменности и основатель Общества изучения Коми края профессор А.Н.Грен приводил следующие аргументы: Финно-угорские народы «представят когда-либо одну из важнейших советских федераций в общей схеме восточно-европейских, скажем, Советских Республик...». «Кроме того, раз мир идет к мировому коммунизму, подобно мировому языку должен быть создан и международный алфавит, а таким может быть лишь исключительно латинский». Латинский алфавит как «общефинское средство необходим для того, чтобы высококультурные сородичи зырян, финны и венгры, лучше познакомились с ними и чтобы таким образом получила толчок к успеху коммунистическая пропаганда в Финляндии, Эстонии и Венгрии, которая ведется там сравнительно слабо...».

Известный коми лингвист И.Разманов в статье «Какой алфавит нужен для коми народа» писал: «В выборе более целесообразного алфавита поневоле приходится останавливаться на латинском, так как у наших западных сородичей финнов, венгров и т.д. за основу взят латинский алфавит, посредством которого мы, коми, свяжем себя с более развитой финской и венгерской культурой».

В конце 20-х годов, когда идея латинизации коми письменности стала доминирующей, идеологическая целесообразность уже не бралась в расчет. Решающую роль в переводе коми письменности на латинскую основу сыграл крупный к тому времени авторитет в советском финно-угроведении коми лингвист В.И.Лыткин. Убедленным сторонником латинизации он стал после своего пребывания в Финляндии, Германии и Венгрии.

Оставляя за рамками настоящего доклада вопрос о результатах состоявшейся все же латинизации коми письменности в 30-е годы, - отметим, что сама по себе идея финно-угорского единения и позитивная роль в этом «финляндского фактора» постоянно присутствовали в 20-е годы в дискуссиях по языковому строительству. Кстати, это не противоречило официальной национально-языковой политике, известной как «зырянизация» (комизация) и активно проводившейся в жизнь после принятия в 1924 г. IV Съездом Советов Коми автономии решения о двух государственных языках – коми и русском. Более того, это не противоречило и общей направленности начального этапа развития всего российского финно-угроведения. При этом характерно, что вопрос о необходимости объединения стихийных исследований в области финно-угроведения в цельное научное направление, - ставился в первую очередь на местах, в самих финно-угорских регионах. Профессор А.Н.Грен, готовя еще в 1924 г. для Коми облисполкома проект-обоснование по этому вопросу в Москву (Наркромпрос), писал: «... существует

такая семья языков, которая имеет за собой массы населения России, которая оказала огромное влияние на русский язык и русскую культуру, к которой принадлежат многие из наших соседей и между тем в наших университетах нигде не имеется посвященных ей кафедр. Это угро-финская семья языков... и эта семья языков, имея представителей-профессоров в Венгрии и Финляндии, совершенно не изучается... Мало того, после смерти академика Видемана нет ни одного представителя финнологии в Российской Академии наук. Чем это объясняется? А тем, что такие старые финнологи, как Видеман, Алоквист, Кастрен, а в старое время Клапорт, давно уже лежат в могиле, а новых финнологов нет, т.к. этот предмет нигде у нас не читается кроме Усть-Сысольска».

Справедливости ради необходимо отметить, что вторая половина 20-х годов – это тот короткий отрезок времени, который характеризуется благоприятной атмосферой для развития финно-угроведения в целом в СССР. В феврале 1925 г. в Ленинграде было создано Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народностей (ЛОИКФУН). В ноябре 1925 г. в Москве состоялось совещание представителей пяти отделов финно-угорских народов Совета национальных меньшинств Наркомпроса с участием Н.К.Крупской. Оно рекомендовало координировать научную деятельность по исследованию культур финно-угорских народов. В конце 1925 г. в Москве было создано Объединение финно-угорских научных обществ, в которое вошли ЛОИКФУН и находящиеся в Москве – удмуртское общество «Боляк», эстонское научное общество, коми научный кружок, научные работники мордовы. Созданная в 1927 г. при Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран Академии наук СССР – Русско-финская секция, в 1928 г. выпустила первый «Финно-угорский сборник», посвященный изучению финно-угорских народностей.

20-е годы стали периодом, когда финно-угроведение в Советской России представляло собой не только сугубо академическую отрасль науки, но и само по себе являлось важнейшей составной частью национального развития российских финно-угорских народов. В условиях же, когда общепризнанным центром международного финно-угроведения являлась Финляндия, - сама только что получившая независимость в результате той же политики, в контексте которой обрели первичные формы государственности родственные ей народы России, - неизбежной становилась перспектива «финляндского фактора» в национальном развитии восточно-финских народов.

Конечно, в этих (на короткое время) благоприятных условиях для установления прямых отношений с Финляндией на региональном уровне нужно было, чтобы инициатива исходила непосредственно от самой заинтересованной стороны. Такую инициативу в 20-е годы проявили научные круги и руководство молодой Коми автономии.

Если проследить по документам перипетии установления научных связей Коми АО и Финляндии, то можно убедиться, что самое заинтересованное участие в организации первой научной командировки в 1926 г. в Финляндию, а затем в Венгрию и Германию лингвиста В.И.Лыткина принимали представители областного партийного и советского руководства Е.М.Мишарин и И.Г.Коюшев, представитель в Совете национальных меньшинств Наркомпроса от коми Н.А.Шахов, Представительство Коми АО при ВЦИК, руководители Общества изучения Коми края Д.А.Батиев, А.С.Сидоров, А.А.Чеусов. Затем в 1927 г. последовала научная командировка в Финляндию и Германию лингвиста и этнографа Г.А.Старцева.

Заграничная командировка В.И.Лыткина помимо чисто научных результатов имела исключительно важное значение в смысле прорыва информационной блокады, возобновления прерванного революцией научного, информационного обмена между западными и восточными финно-уграми в новых исторических условиях, когда в разных идеологических системах и в разных формах, но, тем не менее, и на западе и на востоке одинаково бурно протекал процесс национального строительства.

Вообще, необходимо отметить, что позиция научных кругов и официального руководства Коми АО в эти годы в международном финно-угорском научном сотрудничестве была максимально открытой.

В Коми печати все чаще появляется информация о Финляндии, благодаря чему у общественности постепенно формируется ее позитивное восприятие. Например, о прогрессивных методах лесозаготовок в Скандинавии и Финляндии и др. Важное значение имели публикации самого В.И.Лыткина как очевидца финской действительности. Например, его статья в журнале «Коми му» под названием «Заграничные впечатления. В Финляндии». Приведем лишь некоторые места из нее: «... Доктор Калима снабжал меня литературой и вообще благодаря его бесконечной любезности, я все время получал содействие в моих занятиях в Финляндии... Меня представили министру иностранных дел Финляндии известному лингвисту Сэтяля и ряду других финских ученых, которые в высшей степени тепло ко мне отнеслись... спрашивали о коми, рассказывали случаи из своей поездки к восточным финнам (многие из них бывали там), дарили свои труды... Первым делом я посетил знатока коми языка (и еще пяти финно-угорских языков) профессора Вихмана, бывшего в Коми крае в 1901 г.**, известного ученого и главного моего учителя в Финляндии...»

Характерно, что подобного рода информация во II полов. 20-х годов была лишена пропагандистской риторики в духе концепции «мировой революции». Более того, в журнале «Коми му» в 1926-1928 гг. стали регулярно публиковаться материалы,

присылаемые из Финляндии по истории финского и коми народов. Достаточно редкий случай из тех лет, ибо автором этих материалов был человек, эмигрировавший из России после гражданской войны – по национальности коми-пермяк, белоэмигрант Игнатий Мосшег. В его публикациях в Коми никак не проявлялся антисоветизм. Однако в приверженности автора так называемой «Биармийской теории» явно просматривалась антирусская направленность. Публикации И.Мосшега находились в русле дискуссии, которая велась на страницах журнала «Коми му», с целью подготовки первого обобщающего исследования по истории коми народа.

Отметим, что И.Мосшег считался в финских научных кругах признанным специалистом по истории народа коми. По этим проблемам за рубежом им опубликован ряд крупных, хотя и далеко не бесспорных работ. Для нас важен сам факт участия в его лице финской историографии в дискуссиях по истории коми народа в научной периодике Коми АО.

1929 г. был во многом переломным: свертывание первых ростков демократизма, конец НЭПа, коллективизация и т.п. В 1929 г. борьба, которую вела Коми автономия за сохранение самостоятельности в ходе реформы административного районирования, закончилась ее поражением и включением в состав созданного Северного края с административным подчинением Архангельску. В общественном мнении Коми автономии это расценивалось как потеря права на самостоятельное развитие в рамках федерации, как превращение в сырьевой придаток Центра. Последствия были таковы, что все, кто отстаивал стремление к самостоятельному национальному развитию, были обвинены в национальной замкнутости, буржуазном национализме. Идея финно-угорского единения была фальсифицирована как замысел создать буржуазное национально-государственное образование с выходом из состава СССР «под протекторат буржуазной Финляндии».

Если в 20-е годы в общественном мнении постепенно формировался позитивный образ Финляндии как лидера финно-угорской общности, то отныне все, что так или иначе было связано с Финляндией, подавалось в образе «врага». В вышедшем в 1932 г. в первом обобщающем труде по истории коми народа историк Н.Ульянов, оценивая полемику по поводу включения Коми области в Северный край, провокационно ставил вопрос: «Если Коми автономия не тяготеет к Северному краю, то к кому же она в конце концов тяготеет? Уж не к загранице ли?» И далее: «Один из молодых ученых В.И.Лыткин едет в Гельсингфорс и в продолжении двух с лишним лет занимается в тамошнем университете под руководством профессора-фашиста Вихмана».

В охоте «за ведьмами» Финляндия в образе врага и тема «финских агентов» стали едва ли не самыми ходовыми на страницах печати.

В этих условиях в 1932-1933 гг. органами ОГПУ было сфабриковано «дело» о так называемой контрреволюционной буржуазно-националистической шпионской организации СОФИН (Союза освобождения финских народностей), основное ядро которой якобы находилось в Удмуртии с широко разветвленной сетью в автономиях финно-угорских народов, Москве и Ленинграде. В обвинительном заключении по «делу» указывалось: «Программно-политические установки организации и ее деятельности ставили своей конечной целью отторжение путем вооруженного восстания Удмуртской автономной области и других автономий (Марийская, Мордовская, Карельская, Коми-Зырянская) от СССР и создание «Единой финно-угорской федерации» с демократической формой правления ... В пользу Финляндии и Эстонии отдельные члены организации занимались шпионажем...». Аресты в 1932-1933 гг. шли не только в Удмуртии (арестовано 28 человек, в том числе якобы руководитель СОФИН Кузубай Герд – видный деятель удмуртской культуры, писатель, ученый), но и в других финно-угорских автономиях. Так были арестованы коми ученые и общественные деятели В.И.Лыткин, В.П.Налимов, Д.А.Батиев, С.А.Попов, - обвиненные как буржуазные националисты и «финские шпионы».

Разумеется, никаких оснований под этими обвинениями не было (все привлеченные по делу СОФИН после смерти Сталина были реабилитированы), другое дело, что на рубеже 20-30-х годов разочарование в национальной политике, проводившейся Сталинским режимом, было настолько велико, что этого не скрывали и сами арестованные. На рубеже 20-30-х годов именно борьба за сохранение реальной автономии и обозначение в этой борьбе так называемого «финляндского фактора» (без участия самой Финляндии) послужили предлогом для репрессий против наиболее активных деятелей восточно-финских народов СССР.

Вторая наиболее жестокая волна репрессий в национальном вопросе прошла в 1937-1938 гг. «Финляндский фактор» здесь также присутствовал: десятки деятелей коми культуры и науки, представители официального политического руководства автономии были репрессированы как буржуазные националисты, финские агенты или их пособники. В ноябре 1937 г. внеочередной пленум Коми обкома ВКП (б) рассмотрел вопрос «О работе по разоблачению и выкорчевыванию врагов народа». На нем указывалось, что НКВД вскрыл широкую контрреволюционную буржуазно-националистическую организацию, которая существовала в Коми автономии с первых дней Советской власти и которая с другими подобными организациями из других регионов ставила задачу – объединение

всех территорий с угро-финскими народами в буржуазную республику под протекторатом Финляндии.

Число так называемых «финских шпионов» теперь уже пополнили и граждане финской национальности, карелы, коми. В октябре 1937 г. в Сыктывкаре был арестован заместитель председателя Совнаркома Коми АССР А.Н.Лесков, карел по национальности, много лет вместе с финном Э.Гюллингом состоявший в руководстве Карельской автономии. Согласно обвинительному заключению, он якобы «являлся активным участником контрреволюционную буржуазно-националистической организации в Карельской АССР, ставившей задачу отторжения Карельской АССР от Советского Союза и присоединение ее к буржуазной Финляндии». Якобы в Коми АССР он занимался вредительством вместе с буржуазными националистами.

5 февраля 1938 г. в Сыктывкаре была арестована целая группа бывших «финперебежчиков», все они были обвинены в шпионаже в пользу Финляндии и в октябре 1938 г. расстреляны. Даже отбывавшему срок в Ухтпечлаге с июля 1936 г. до своей смерти в январе 1939 г. Куллерво Акиллесу Маннеру (арестован в Москве в 1935 г.) инкриминировались попытки шпионажа в лагерном заключении. К.Маннер был председателем финского парламента в 1914 г., главой революционного правительства Финляндии в 1918 г., руководителем Компартии Финляндии в 1918-1934 гг., одним из руководителей Коминтерна.

Таким образом, рассматривая формирование идеи финно-угорского единения и место в этом процессе так называемого «финляндского фактора», - можно сделать некоторые выводы. 1920-е годы характеризуются развитием автономии восточных финно-угорских народов в рамках федеративного устройства РСФСР и СССР. Для этого имелись определенные политические и экономические условия, прежде всего, НЭП и более или менее последовательное осуществление права народов на самоопределение.

До тех пор, пока данные внутренние условия в СССР в целом благоприятствовали реализации права народов на самоопределение, внешние факторы не оказывали главного влияния на этот процесс. В этом смысле даже полностью независимая Финляндия не являлась единственным притягательным примером (моделью) для развития автономий восточных финно-угорских народов (коми, удмурты, мари, мордва). Хотя нельзя отрицать определенного значения восстановления прерванных после 1917 года научных и культурных связей между западными и восточными финно-уграми и в целом позитивного значения так называемого «финляндского фактора» в национальном развитии последних.

Однако, на наш взгляд, есть основания к постановке вопроса о том, что с конца 1920-х годов воздействие внешних факторов на процессы автономизации восточных

финно-угорских народов в России возросли. И, в частности, речь идет именно о «финляндском факторе». Для нас очевидно, что это объясняется изменившимися в это время внутренними политическими и экономическими условиями в СССР. «Финляндский фактор» вольно или невольно становится аргументом в борьбе против возрастающего унитаризма в национально-государственном устройстве России. Об этом свидетельствует, в частности, и радикализация позиций влиятельных кругов национальной интеллигенции.

Важно также иметь в виду, что обозначение «финляндского фактора» в национальном развитии восточно-финских народов в 20-е годы отразило объективную тенденцию к формированию финно-угорской духовной, этнокультурной общности в условиях бурного национального возрождения всех финно-угров. И, напротив, «Великий перелом» и утверждение Сталинского режима привели к тому, что в 30-е годы в лице Финляндии насаждался образ «врага», а процесс финно-угорского единения и самоопределения был подорван.

* * *

* См. более подробно: Национальная государственность финно-угорских народов Северо-Западной России (1917-1940 гг.). Совместный научно-исследовательский проект: Республики Карелия и Коми, Российская Федерация; Финляндия. – Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрОРАН, 1996. Отв. ред. А.А.Попов; Кауппала П. Историческая роль финно-угров в освоении Европейского Севера. Современное состояние и перспективы развития // Горизонты экономического и культурного развития: Материалы пленарного заседания II Северного социально-экологического конгресса. – М.: Наука, 2007. Отв.ред. акад. В.А.Черешнев.

** Юрье Вихман был в экспедиции в Коми крае в 1901-1902 гг. После чего составил «Зырянский словарь» (издан в Хельсинки в 1942 г.). О его пребывании в Коми крае можно узнать из книги «Путевые впечатления: письма из дневника Юрье и Юлии Вихман во время научных экспедиций 1891-1906 гг.», изданной его внучкой Иреной Вихман в Хельсинки в 1987 г.